

ВАС. ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

К 84 (серия 2-комп.)

Ж 91

ВЗВОДЕНЬ

К 84.5

Ч/3

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

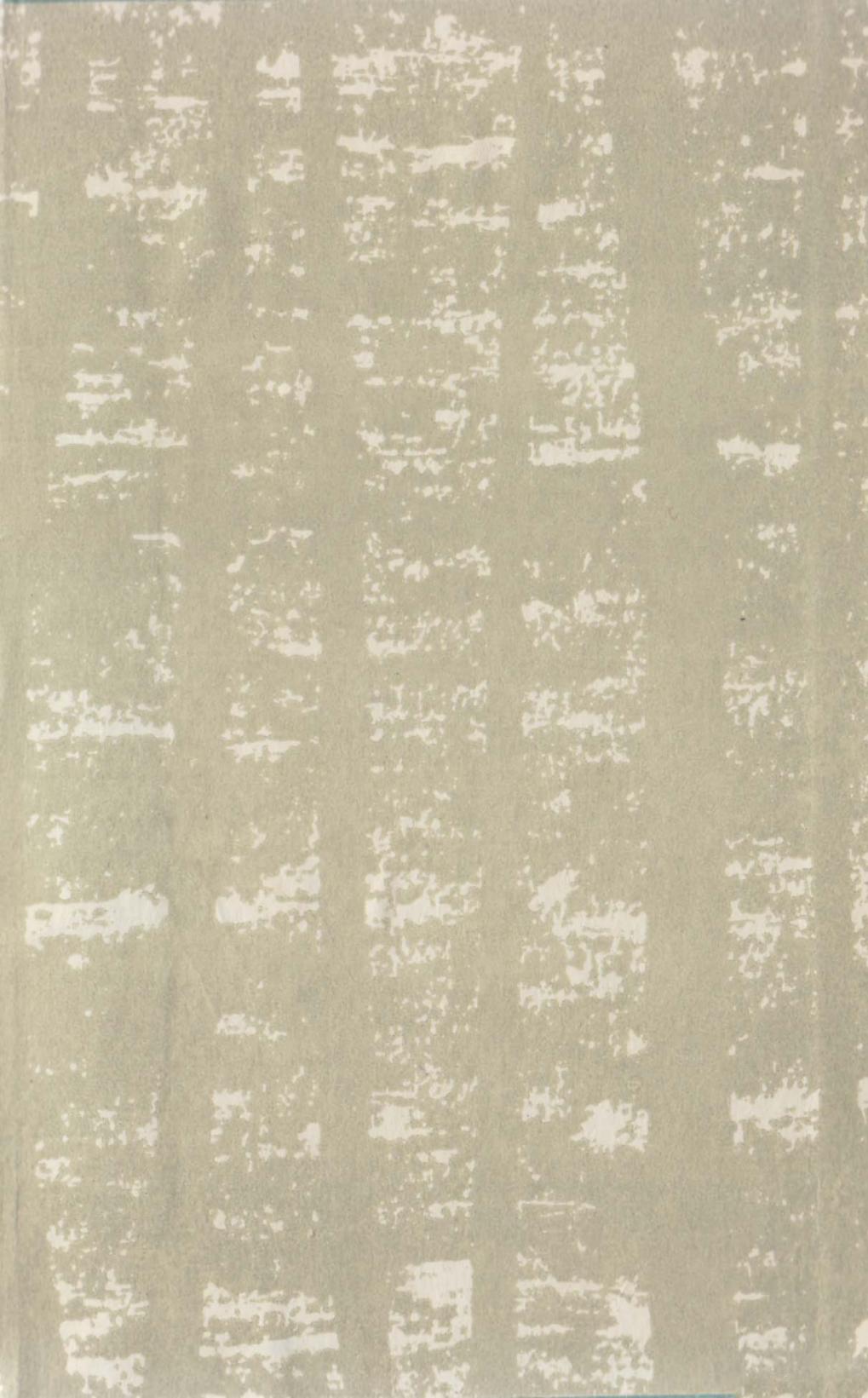
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

д/р
2/IV-
20/IV-
20/XII-
18/V-

84

Воскр. типогр. Т. 20 З. 4464—72

„Держи мористей, вишь, взводень ходит.
Всегда так бывает после шторма. Того и
гляди — на камни наскочишь или на
отмель бросит. Мористей держи!..“

Из разговора.

ВАС. ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

КОМИ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

✓

X
4/3

К84(2Рос-Коми)
Эк 91

ВЗВОДЕНЬ

стихи
и поэмы

№407

19693

СЫКТЫВКАР 1969

Муниципальное учреждение
«Печорская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система»
«Печораса овмолчоминъяслон
аша-бу бильтечной системе»
муниципальной учреждение

СИБИРЬ
ТРЕТЬЯ РЕЧЬ, 1969

Василий Степанович Журавлев-Печорский первую свою книжку издал в 1957 году. Называлась она «Моя звезда». Читателю пришлись по душе строки, пахнущие землею северной. Затем последовали поэтические книжки «Моряна» (1960), «Междузорье» (1962), в которых дарование поэта раскрылось более полно, весомо.

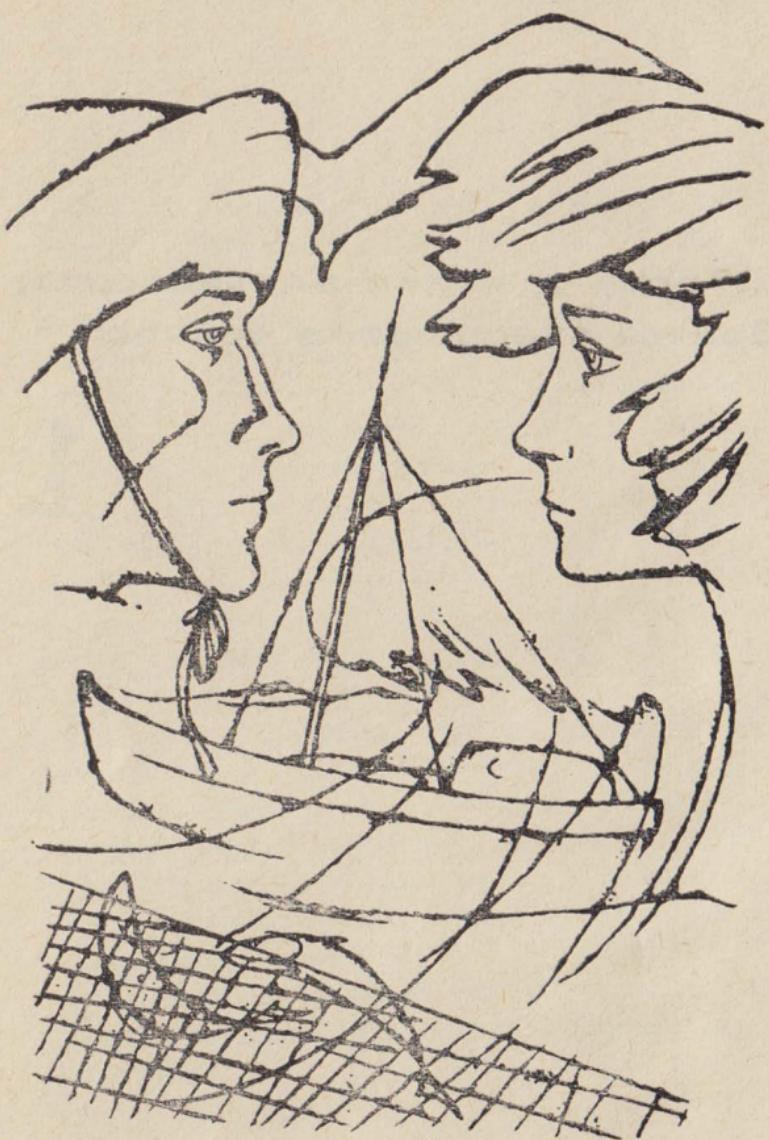
Журавлев-Печорский успешно работает и в жанре прозы. Им изданы книги рассказов «Глоток воды» и «Разрыв-трава», книга «Здравствуй, Синегория», куда вошли две повести (все три в Кomi книжном издательстве), книга рассказов «Зеленый дождь» (издательство «Детская литература»).

В книжку «Взводень», помимо новых произведений, вошли и лучшие из тех, что были опубликованы в первых его сборниках. Автор по-прежнему верен Северу, где «за каждым ручьем — по сказке, за каждым кустом — по строке», по-прежнему верен людям Севера, среди которых и он зовется старожилом.

Ваши отзывы о книжке просим присыпать по адресу: Сыктывкар, Дом печати, Кomi книжное издательство.

**...Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.**

1.

* * *

Седые волны,
седые чайки,
Седое облако над припайком.
Седые сопки,
седые звезды,
Впередсмотрящих седые гнезда.
Давно про Север твердят такое.
Давно известно: тут все седое.
Я тоже верил мальчишкой в это,
А встретил солнце и синий ветер.
И голубая волна качает
У синих скал розовых чаек...
И, как ребятишек капризных стайка,
Плачут тюлёныши на припайке.

УТРО

Море дремлет. Рукистынут.
Морось. Полумгла.
Чайка сбрасывает иней
С белого крыла.
Да, высматривая сети,
Рыбаки поют
Про какой-то синий ветер,
Про весну свою.

ПУТИНА

Костиры замерцали в заречье,
Палатки дрожат на ветру,
Гудят бережничего плечи
От бечевы поутру.
Домой бы да в баньку парную,
Да так бы себя похлестать,
Да дернуть бы чарку — другую,
А там именинником стать.
Но кормит не осень — неделя,
А в этой неделе — заря...
Ладони остыть не успели —
И снова мозоли горят.
Но тот не мужик, кто в путину
Бежит за четушкой в ларек,
Кто всякие там именины
Позднее отметить не мог.
Поморов обычай старинный —
Он радовал с детства меня...
Пройди наша жизнъ, как путина,
Как полная рыбы тоня.

* * *

Нак песцы, к воде поближе
Жмутся села наши.
То ли Пеша, то ли Нижка
Нам платками машут,
Не поймут, откуда всплыли
Карбасы смоленые.
Плотно ели,
Сладко пили
У тебя, Зеленая.
Там кому-то было горько,
Там кого-то славили,
Бригадира звали Борькой
И плясать заставили.
Как песцам, без речек наших,
Нам не жить без моря.
Не тебе ль платочком машет
Кто-то на угоре?
Дай-ка закурить, дружище,
Руки омертвили...
Боковой шелонник хлещет
Целую неделю.

ПЕСНИ

1. НАС ВЕДЕТ ПОЛОСКА ЛУННАЯ

Над волнами месяц светится,
Путь-дорогу серебря.
Мы должны с тобою встретиться
В первых числах ноября.
Встречи жду и знаю: сбудется.
С чемоданчиком в руках
Я пройду по вашей улице
Гордым шагом моряка.
Иней белыми волокнами
На березке у крыльца.
Снегирей вспугну под окнами,
Постою у деревца.
По ступенькам старой лестницы,
Как по трапу, пробегу
И спрошу тебя, ровесница:
«Как дела на берегу?»
Нас ведет полоска лунная
К берегам земли родной.
Даже море, вечно бурное,
Тише плещет за кормой.

2. НОЧКИ БЕЛЫЕ...

До утра с тобой на пожнях проплутали.
Вешний паводок. Вокруг белым-бело.
Над разливом сизый селезень летает,
Задевая о черемушник крылом.
Лепестки, кружась, на воду тихо падают.
Сера-утица упряталась в кусты.
Я бы мог тебя признанием порадовать,
Но его уже не раз слыхала ты.
Все тропинки над рекой давно исхожены.
Может статься, целовал не горячо?
Изо всех красивых самая пригожая,
Загрустила, запечалилась о чем?
Цвет черемухи по ветру разлетается.
Не забуду ничего, не утаю:
Будет дочка наша писаной красавицей,
Вся в тебя, в бессонницу мою.

СИНЬКИН НОС

Шелонник в губе колобродит,
Покинув расщелины скал.
Опять к затяжной непогоде
Сердце сдавила тоска.
Чернеют над Синькиным Носом
Две мачты,
Далекий дымок...
Откуда узнали матросы
То имя, что в тайне берёг?
Откуда узнали про ёлу,
Что якорь бросала у вас?..
Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.
А может, привиделось просто,
Как брал я на ночки отгул,
Как мы уходили на остров,
Бессмертники рвали в логу?
Песком засыпается ёла —
Свое отслужила для нас...
Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.
Но все позабыл на минуту
И сбросил стакан со стола,
Случайно услышав в каюте:
«Она еще долго ждала».
— Не надо! — И так к непогоде
Ломит суставы с утра.

Шелонник опять колобродит.
В затишие, ребята, пора.
Спасибо за сказку, земеля.
Сильна... Прошибает до слез...
Как ни рвались, не успели
Мы якоря бросить за Нос.
А остров все больше, все выше.
Добрый штурмяга идет...
Дымок все клубится над крышей...
«Ждала или все еще ждет?»
В каюте поет радиола
Про старую ёлу, про нас...
Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.

СТРОГАНИНА

Не зная в чувствах середины,
С кем только не знаком,
Вновь угощаюсь строганиной —
Мороженым сиgom.
Щепотка соли,
Чуть горчички
Да с корочкой ржаной,
А к ним, быть может, по привычке
Всего лишь по одной.
Не ради пьянства,
Ради встречи,
Чтоб лучше жизнь была.
И самовару в этот вечер
Не скрыться со стола.
А зимний вечер длинный-длинный,
Хозяин гостю рад:
Его полмесяца на льдине
Носило, говорят.
Что поседел — не замечает.
— Родство мне докажи!
Без строганины да без чая
Какой же ты мужик...
И я стараюсь,
Надрываюсь,
С кем только не знаком,
Вновь зарабатываю право
Считаться земляком.

ГОЛУБАНЫ

Все сильнее на улице тает,
На рассвете густеют туманы.
С громким свистом утиные стаи
День и ночь летят над Тиманом.
И опять не найду покоя,
Мне сегодня все по плечу...
Голубаном к тебе прилечу,
Половодью дорогу открою.
Зашумит,
забурлит окрест
Позаледных вод быстрина.
Ничего, что блестит седина
На груди, как чалдонский крест.
Говорят, кто родился с ней,
Будет в жизни на все тароват.
Я смеюсь — нет приметы верней.
Люди попусту не говорят.
Это дальней дороги знак,
За удачу в ней порадей...
Птиц ведет сквозь туман вожак
На какой-нибудь Варандэй.
Что их тянет, скажи, туда?
Я послушаю,
Помолчу.
Я такое в тебе увидал,
Что отныне все по плечу.

Понял,

радость моя и надея,

После горьких упреков твоих:

В наших судьбах — свои Варандэи,

Неприметные для других.

К ним спешить сквозь дожди и туманы,

Сквозь пургу и шальной гололед.

Если в сердце звенят голубаны,

Значит, наше от нас не уйдет.

Что-то долго не пишешь, далекая.

Брошу все и к тебе прилечу.

От растерянности проокаешь:

«Окаянному

Все по плечу».

Пусть соседки болтают разное,

Не для нас оно,

Не про нас...

Мы с тобою свадьбу отпразднуем,

Всем чертям назло,

В сотый раз.

3407

19693

Муниципальное учреждение
«Печорская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система»
«Печораса овмодчоминъяслон
шёр библиотечной системы»
муниципальной учреждение

НИКИТЦЫ

Н оторую ночь
Снова не спится.
А что если мне
Заглянуть в Никитцы?
В ту деревушку,
Что за перелеском,
Бессоннице злой в отместку.
Чем-то там встретят,
Как-то приветят,
Чем присушили
Никитцы эти?
Не знаю.
А может, с того и не спится,
Что я еще не бывал в Никитцах?

НОВОСЕЛ

Вот и кончился лес.

Лишь кусты ивняка над рекой.
Лишь чернеют холмы вдалеке.
Да блестят огоньки по ручьям.
Ты за поручни робко берешься рукой.
Чайки дремлют на желтом песке.
Да сирены в тумане кричат.

Ты на берег сойдешь.

Здесь тебя поджидают давно.
Окружили тебя
Бородатые, рослые люди.
Завтра утром, когда еще будет темно,
Чей-то шустрой мальчишка
Тебя непременно разбудит.

Скажет: «Тата зовет.

Едем сети смотреть.
Поднимайся скорее и — с нами».
В том — начало твое.
Будешь счастье иметь,
Если выдержишь первый экзамен.

Между делом расспросят: «Откуда?»
да «Кто?»

«Что планируешь в жизни?»,
«Что можешь?»

И щербой угостят.
Поднесут для согрева притом,
И подарят бахилы из нерпичьей кожи.

Нам сниматься пора,
И прощальный гудок над рекой
Повисел,
умолкая.

И убраны сходни.
Остаешься...

Машу на прощанье рукой.
Я когда-то живал в деревушке такой,
Знаю: трудно тебе сегодня.

А рыбачки уже напекли для тебя пирогов,
Словно сына, тебя старики обнимают.
Чтоб на берег сойти,
надо сделать двенадцать
шагов.

Это трудно порой.
Понимаю.

ПОВЕТЕРЬ

Поветерь ударил — и на взморье
Забелели наши паруса.

Поветерь ударил в междузорье,
Может быть, всего на полчаса.
Поветерь —

попутный сизый ветер,
Ласковый и щедрый к рыбакам,
В новые капроновые сети
Гонит омуля издалека.

А ему цветастыми платками,
Будто сестры, машут две зари:
«Что ты зря гоняешься за нами.
За двумя нельзя.
Одну — бери!»

Поветерь,
на радость или горе,
Действует по-русски на авось...
Что-то часто стало сниться взморье,
Где оставить юность довелось.

ВЕЧОРКА

«Каты — покаты.
Женихи богаты.
Каждому по месту —
Выбирай невесту».

(Из народной песни)

Весь вечер бренчат балалайки
В просторной рыбацкой избе,
Но ты не зайдешь, молодайка:
Здесь нечего делать тебе.
Сюда отходилось тебе.

Здесь парни в нарядных рубахах.
Веселью не будет конца.
Я девичьи охи да ахи
Услышал еще у крыльца.
И долго стоял у крыльца.

Мне сизмальства это знакомо.
Сказал, подбоченясь: «Привет!»
И слышу: «Давно ли ты дома,
А сколько не виделись лет?»
Мы много не виделись лет.

И вот уже «каты-покаты»
Землячки мне хором поют,
Как будто я самый богатый,
Давно ожидаемый тут.
Жених, поджидаемый тут.

Закончили петь, зашептались:
«А, может, припели не ту?»

Но мною довольны остались.
Опять пересохло во рту...
С чего пересохло во рту?

Испить бы холодной водицы —
В руках у хозяйки стакан.
Смотрю на густые ресницы,
На тонкий девический стан.
На лентой обтянутый стан.

Как схожа с тобою девчушка,
Как душно мне стало в избе!
Прошу не стаканчик, а кружку,
Причины понятны тебе.
Сюда отходилось тебе.

И все же скажу без утайки:
Встряхнули меня земляки.
Как дружно звенят балалайки,
Как дробно стучат каблуки!
Весь вечер стучат каблуки.

* * *

Если ты родился в катагаре —
Полотняном доме рыбака,
Если ветер в этот час ударил,
Молнию принес издалека,
Прошумел на вешалах сетями,
Вымыл их,
почистил и ушел
За хребты,
за тот былинный камень,
Где нашли алмазы,
Хорошо!

Если шторм осенней темной ночью
Злобно бросил карбас на пески,
И на берег выпустить не хочет,
Разнести грозится на куски,
Скинешь с плеч угрюмую усталость,
Смотришь — выход из беды нашел.
— В жизни нашей всякое бывало,—
Через годы вспомнишь...
Хорошо!

Если мне в пути придется тugo,
Потянусь к тебе издалека —
И почую рядом локоть друга,
И услышу голос земляка:

— Если ты родился в катагаре,
Если в братьев-северян пошел,
Будь всегда, как говорят, в ударе.
Что бы ни случилось —
Хорошо!

ЧУДО-БЛЮДО

Вся ложбина, как большое блюдо,
Доверху наполнена морошкой,
Словно просит: «Отдохните, люди,
Да чайку попейте на дорожку».
Плавника вокруг — искать не надо.
Мы мешки заплечные снимаем...
Чудо-блюдо!.. Ели всем отрядом,
А убавилось чуть-чуть от края.

* * *

От любви и ревности — свободен,
Время — лекарь, что ни говори...
А над взморьем голубеет взводень *
В тихих красках северной зари.
С моря возвращается на берег,
Мерно рассыпается у скал...
Вот и я в свою судьбу поверил,
В ту судьбу, что с юности искал.
И уже не страшно затеряться
В дальних бухтах северной земли.
Ураган прошел. Умолкли рации.
Якоря бросают корабли.
Но еще долгоночко, может статься,
Приходить мы будем на причал
И справляться по утрам на рации:
«SOS! никто в эфире не кричал?»
Не спокоен я и не свободен,
Но не брошу морю этот крик...
Ты еще силен покуда, взводень,
Но и я не сгорбленный старик.

---

* Взводень — волна после шторма, зыбь.

* * *

A. Пичкову

Лунный вечер,
Наш прощальный вечер.
Тихая безоблачная грусть.
Не в последний, знать.
До новой встречи!
Я сюда еще не раз вернусь.
Что-то мне немножко грустновато
Стало при прощании с тобой.
Ты видел, как падают кайрята
Из гнезда в бушующий прибой?
Так и мы из тундры разлетелись,
Повидали разные края...
На места взглянуть мне захотелось,
Где осталась молодость моя.
На тебя, родной, звонкоголосый,
Хангурейский, шалый ясовей.
Все у нас с тобою под вопросом,
Но об этом, Лёха, не жалей.
Можем прямо,
Заблудиться можем,
И споткнуться можем —
Не секрет.
На коробке из-под сигарет
Нацарапать строчку тоже можем.
Но от строчки далеко до песни.
Потому и говорю тебе:
Главное, Алеша, не робеть!

Мир не нам одним
Казался тесным.
Ничего не скажешь,
Не попишешь.
Даже если не видать ни зги,
Ты не будешь ниже...
Или тише...
Но себя для нас побереги.
За прощаньем — снова
Вечер встречный,
А за ним еще один, еще...
Ну, а если выпадет просчет —
Ничего на свете нету вечного...
Бьет в лицо холодный, жгучий ветер,
А луна ярка до слепоты...
Все же хорошо, что есть на свете
Звонкие и шалые, как ты.

ПРИВЕТ В ТУНДРУ

За рекой,
На лугах
Расцветают ромашка и клевер.
Запоздалые лебеди,
Вы летите все дальше на север.
Может быть, вас увидит
У далекого чума
Непоседа-радист,
Что по тундре кочует.
Если будет молчать,
Я в правленье снесу заявление
И к нему прилечу
Вертолетом на праздник Олена.
Пусть тогда,
Как начальство,
Встречает у чума.
И руки не подам,
О себе чтобы много не думал.
Запоздалые лебеди,
Вы летите все дальше на север,
А у нас на лугах
Расцветают ромашка и клевер.
Передайте ему,
Чтоб, по тундре кочуя,
Поднимал он повыше

Антенну над чумом.
Что люблю, как и раньше,
Его без обмана,
Что с приветом к нему —
Хатанзейская Анна.

* * *

В раковине, выброшенной морем,
День и ночь вовсю гудит прибой.
Неуемный,

он о чем-то спорит
С неприступной

каменной грядой.

Парус мой уже свое отбегал,
Принимай меня в жильцы, тайга,
И покрытые хлопчаткой снега
Окаянных речек берега.
Не помогут ни друзья,
Ни сваты,
Если вдаль отхлынула волна
И тебя побитого,

измятого

На песке оставила она.

Но покуда в раковине сердца
День и ночь вовсю гудит прибой,
У чужих костров не буду греться,
Разожгу хоть маленький, но свой.
И когда наступит тот,

прощальный,

Может, самый легкий в жизни час,
Я своим друзьям открою тайну:
— Море — в нас!

НАПЛЕСТКИ

Жизнь в сердце много наплескала,
Чего там только нет...
В нем соли горькие кристаллы —
След беспрizорных лет.
Зимовий тусклые оконца.
Горелые пыжи.
Но радость, как осколок солнца,
Поверх всего лежит.
И круг друзей все уже,
Реже,
И волосы белей,
Но бьет о сердце ветер свежий,
Он с каждым днем сильней.
Попутный ветер,
Добрый ветер...
Волна — за рядом ряд...
Пока растут наплестки эти,
Я сказочно богат.

* * *

Никогда не думаю о славе,
Но хочу, чтоб где-то у реки
В половодье, в дни начала сплава,
Вспоминал земляк мои стихи.

Чтобы он, как я, не знал покоя,
Не боялся ни забот, ни дел,
Чтобы он сумел свершить такое —
Чтоб на всю округу прогремел.

Чтоб сказали люди: «Это хватка!
Поучиться можно у него...»
Значит, в пользу. Значит, все в порядке.
Значит, поработал ничего!

**...За каждым ручьем —
по сказке,
За каждым кустом —
по строке.**

2.

* * *

С чего бы это сердце ноет,
И всё сильней день ото дня?
В лицо ударил запах хвои —
И нету в городе меня.
Я тут еще, но мало проку —
Затосковал, чего скрывать...
В глухи лесной, в краю далеком
Сейчас бы мне осеновать.
Там, где зимой в мороз трескучий
Не отличим от ночи день.
Собрался в путь — на всякий случай
Совик на малицу одень.
Где скажут не «в тайгу», а «в гору»,
Как даже Пришвин не писал...
Пора! До новой встречи, город.
Я снова ухожу в леса.

* * *

В стороне озер лебединых
Люди ходят в тулупах да малицах.
Только в мае весна начинается,
Загрохочут,
ломаясь, льдины.
Но зато,
как зальет наволоки
Белой ночью большая вода,
Мы забрасываем невода
На луга,
на разлив широкий.
А сошла вода —
в дни покосные
Здесь пасутся семейства лосиные,
Не боясь людей в зори росные,
Стороны озер лебединых.
Кто поймет ее —
не нахвалится,
Никуда уезжать не вздумает.
А сторонка,
признаться,
урюмая:
Девять месяцев ходим в малицах.

ПРОСЕКА

Д. Шигаеву

Через болота,
На рассвете мглистом,
Вдоль безымянных речек и озер
Ведут меня друзья-геодезисты
На первый створ,
Еще безвестный створ.
Бесплодные, бугристые сузёмы,
Бездлюдные, пропащие места,
Им предстоит в начале жизни новой —
Воротами на Каспий стать.
Сплошная слякоть,
Дождь
и серый ветер.
Конца не видно, черт бы их побрал,
Но день придет — торжественно
отметим,
Что здесь Шигаев дело начинал.
А если и забудем — то неважно.
(Когда-то створ еще построят тут!)
А просеку,
про это знает каждый,
Уже теперь «Шигаевской» зовут.
Когда народ услышит об ударной,
Пойдут составы в дальние края,
Поймешь, что не бесследно,
Не бездарно
В лесах осталась молодость твоя.

* * *

Между сосен прогалины пегие,
След тетеры на мокром снегу...
Сколько верст мы с тобою отбегали
До костра на речном берегу?
Снова утро усталостью встреченно,
Воздух пахнет горелым пыжом...
А за то, что измокли мы вечером,
«Строгачи» получаем от жен.

* * *

Перед рассветом, в ельнике горбатом
Запел глухарь,
Последний на току,
Который был отчаянно богатым
Не на каком-то, на твоем веку.
Всё по весне играло и звенело
На километры многие тогда,
Но в синем полумраке ночи белой
Уже, как рысь, ползла сюда беда:
Всего одна лишь песня уцелела,
Но и она оборвала сейчас.
Лишь эхо дважды в падях прогремело
Да проскрипели сапоги о наст.
Не стало тока.
Зашумели ели.
Тайга одела траурный наряд,
...Но говорят, что песня уцелела,
И глухари токуют, говорят.

* * *

Растеряла лепестки ромашка,
Колокольчик отзвенел свое,
По траве не ползают букашки,
Стрекоза над ухом не поет.
Лебедей серебряная песня,
Замирая, скрылась за увал.
Не по ней ли паренек безвестный —
Рыженький сентябрь — затосковал?
Он сманил меня на сеновалы,
На дымки охотничьих костров.
Для тебя, чтоб след не потеряла,
На бересте пишем: «Жив-здоров».
Не просить у времени поблажки,
Если сердце молодо в груди...
Ничего, что белая ромашка
Растеряла лепестки свои.

* * *

Не чудно это было, а чудно.

Накинув шубку беличью на плечи,
Ты шла вчера по улице со мной
В морозный вечер,
Очень тихий вечер.

Как будто не знал и не видал
Я ничего похожего на это.

Всю жизнь, как будто, этой встречи
ждал,

Чтоб вновь себя почувствовать поэтом.

Застенчивым и молчаливым стал,
И мир опять мне показался тесным.

А мне мерещилось, как будто так устал,
Что дальше жить уже неинтересно.
Как все же жизнь устроена чудно —
Всего один морозный тихий вечер...
А впрочем ты всегда была со мной,
Но слишком редки были наши встречи.

* * *

Вернулся к столу с порога —
И хлеба горбушку в карман,
И снова зовет дорога
В молочный густой туман.
Забудем про песни застольные,
Встретим в тайге зарю.
«Что тут для нас приготовлено? —
Найдышу я говорю.—
Дики тяжелая связка
В стареньком рюкзаке?
За каждым ручьем по сказке,
За каждым кустом по строке?
Эх, Найдыш, а я приехал
На три каких-то дня...
Ты не стал пустобрехом
С безделья тут без меня?
Хватит тебе ластиться,
Дело мне подавай...»
Где-то взлетела птица
И тут же послышался лай.
Я не спешу. Я знаю
Богата Глухая падь...
А Найдыш все понимает,
Только не может сказать.

НЕНАСТЬЕ

Этот вечер памятью отмечен —
Целый день ругался я с диспетчером...
Документы предъявлялись веские,
Мол, я должен вылететь, не мешкая,
Мол, мои дела особо важные,
Дорога для них минута каждая.
А в вокзале было шумно,
Тесно.
Дым столбом.
Храпели люди в креслах.
Что-то пили.
Взд-вперед ходили.
Тут же матери детей кормили,
Прикрывая шубами от стужи,
Повторяя, что бывало хуже.
Стало стыдно за свои мандаты.
«Мы успеем вылететь, ребята.
Закрывайте двери да потише —
Грудью кормят матери детишек».
Пеленают в одеяльца ватные.
Им бы надо выдавать бесплатные.
Им бы надо выдавать прямые,
Внеочередные,
Скоростные.
А они детишек кормят стоя —
Матери с таежных новостроек.

И когда буран утих под вечер,
«Кто с детьми — сюда!» — сказал

диспетчер.

Стало тихо.

Посветлели лица.

Будущее в лайнеры садится!

ТОБЫШ

Здесь от давнишнего раскола
Остались ветхие кресты.
Спешат на Тобыш богомолы,
Как в знаменитый монастырь.
Спешат к «Покойникам» старушки
К верховьям Тобыша с весны,
Не от избушки до избушки,
А на моторах подвесных.
Их поджидает одноглазый
Безумно одинокий Спас —
Не к богу временем привязан,
Как ширпотреб — иконостас,
А к тем, чьи горестные руки
Не на холсте, а на доске
В одном отчаянном мазке
Нам выплеснули сердца мүки.
Века гонений и расколов,
Преданья о мастеровых...
Кресты делают богомолы
И смолами кадят на них.
Легенды древние.
Поверья,
Что был слепой, а стал здоров...
А мы с тобою, подмастерья,
Берем урок у мастеров.

* * *

Ухтинскому агроному *H. A. Соломахе*

Говорили: «Перестань чудачить!»
Утверждают: «Деду повезло!»
Повезло? Но это просто значит —
Не сдавался всем чертям на зло.

Это не фантазия, не диво —
Сколько силы отдано земле...
Яблоки ухтинского налива
Мы сегодня видим на столе.

После долгих, трудных ожиданий
Не от счастья ли дрожит слегка
Грузная крестьянская рука?..
Счастье — не признанье, а призванье.

СТАРИНА

Я ее не понаслышке знаю.
В сердце у меня лежит она,
Проглядишь — и когти выпускает,
Как медведь в берлоге, старина.

Дикая,
Бессмысленная удаль.
Разлопатив бороды свои,
Кулаки, что тяжелее пуда,
Поднимают родичи мои.

Лупят жен

чалдонским

смертным боем,

Только, знать, всему наперекор
Бабье сердце,
Доброе такое,
Разжигает искорку в костер!
За битье одним платили жены —
В семьях были только сыновья...
Столько нас,

проклятых и боженых,

Народили,
Что берет дивья.
Умирали,
Воскресали снова,
Зажигая в бабах огоньки...
Я совсем другой, но у хмельного
Тоже тяжелеют кулаки.

Как у дедов наших, беспричинно,
Кровью наливаются глаза.
Ставиши крест.
Опять идешь с повинной,
В оправданье нечего сказать.
Милые, желанные, родные,
Вам не нужно заползать в закут...
Но не ставьте больше мировые,
Если ваши мужики запьют.
Не к добру,
Не понаслышке знаю:
И во мне самом живет она —
Проглядиши — и когти выпускает,
Как медведь в берлоге,
Старина.

УЛЫБКА

Павлу Пономареву, лесничему

Февральским бураном забило дорогу,
А мы уже скоро неделю в пути...
Малицы сбросив, стоим у порога,
В дом не решаемся что-то войти.
Усталость, как снег непролазный
и зыбкий,
Все же и нас доконала она,
Но хлопнули двери
И чья-то улыбка —
Как теплого ветра волна.
— О, гости!
Входите, ребята, входите.
Продрогли в такой заварухе небось?..
Последний в стране станционный
смотритель,
Я счастлив, что видеть его довелось.
С чего бы мне, Павел, старик
этот снится?
Когда мы с тобой одолели увал,
Грубой своей шерстяной рукавицей
Не он ли нам щеки тогда оттирал?
Не он ли ворчал, что не знаючи брода...
А на прощанье: «Пройдет. Ничего!»...
И если застигнет в пути непогода,
Я вспомню опять про улыбку его.

Встретишь — спасибо скажи за науку,
И сам, как поднимет метелица вой,
Не жди еле слышного, робкого стука,
Двери свои на засов не закрой.

* * *

Как зимний лес, палата
Тиха.
Ушли врачи.
— Курнуть бы, а, ребята? —
Но нечего.
Молчим.
А ночь такая длинная,
А думам нет конца.
— Сейчас бы на Неглинную
Да кружечку пивца.
— А мне... — и обрывается
Неначатый рассказ.
И кто-то собирается
Совсем покинуть нас.
Врачи бегут в палату,
Встревожена сестра...
— Мы с ним не раз, ребята,
Сидели у костра...
И снова тихо-тихо,
Как в пижемском бору.
Не поминайте лихом,
Коль невзначай помру.
И жил я неумело,
Чудаковатым слыл.
Великого не сделал,

Но работягой был.
Не стоит брови хмурить —
Я простишь отогну...
Мы все-таки покурим,
Найдем на всех одну...

ПИСЬМА С МЕЗЕНИ

Матери моей Раисе Ивановне

1.

Опять ушел.

В себя замкнулась мать.
Хотя слезы не выронит она,
Хотя раздумья будут донимать,
Что жизнь сложна,
Ой, как она сложна.
Опять ушел.

«Ты не жалей меня,
Окинув взглядом желтые пески,
Где даже в полночь кулики звенят
С той первозданной северной тоски»,—

Так мне в письме хотелось написать,
Но мать стара и не поймет она,
Что если в сердце тишь и благодать,
То грусть ему дорожная нужна.

Когда вернусь, заметишь, что не зря
Я вспоминал какой-то старый дом.
Мы — нищие, открыто говоря,
Когда без малой родины живем.

Когда спокойно в столбики анкет
Записываем села,

города,

Где ты родился,
Пробыл пару лет,
А то и вовсе даже не бывал.

Опять ушел...
Уже который день
Ты пробуешь понять: «Спешу куда?..»
Я все же повидал свою Мезень,
Всего лишь раз, но все же повидал.

2.

Далеко от тебя,
За Тиманом,
В деревушке не помню какой
Встретил красного я партизана...
По годам бы ему — на покой.
Только он, седоватый, кряжистый,
Не Илье, так Добрыне брат,
Говорит: «Стала лучше жизнь-то.
Как хотели,
Пошло на лад.
На два месяца раньше,— плохо ли?—
И погладил ладонью усы,—
Вон какую школу отгрохали!
Всей деревне придаст красы.
А ребятам польза огромная.
Знанья — свет. Неученье — тьма!
Мы свое начинали по-темному.
Набирались в ликбезе ума.
А в ликбезе том, помнят многие,
Не учителька — кнопка была,—
Вот такая! — но шустрая, строгая,
На сурьезе вела дела.
Я тогда был уже семейным.
При лучине,
В кулацкой избе

Выводил под диктовку ейную
«А» да «Б» да «В»— и робел,
Как бы в буквах ошибки не сделать:
От стыдобы подохнешь тогда...
А рука карандаш не умела
По бумаге водить — вот беда!
Не боялся я белобандитов,
Интервентов бил на Двине,
А букварь, впервые открытый,
Оказался вдруг не по мне.
Прошибало не раз до пота,
Но осилил и грамотным стал.
Предколхоза всю жизнь работал,
Ильича самолично читал.
Той девчушке вот так благодарен!
Сколько мучилась с нами она...
Вам-то что...
Вам открыла, парень,
Все пути-дороги страна».
А из школы несся упрямо
Колокольчика перезвон...
Показалось в то утро, мама,—
О тебе рассказывал он.

3.

Мне на Мезени,
На Мезени,
В гнилой бревенчатой избе
С утра в ненастный день осенний
Вдруг стало вновь не по себе.
Под лодкой,
парусом гонимой,
Песчинка каждая видна;

Но как темна твоя родимая,
Твоя лесная сторона.
Здесь не волнуют ни премьеры,
Ни «голубые огоньки».
Здесь царствует другая вера,
Мы для которой — чужаки.
Я на Мезени,
На Мезени
И хочется сказать тебе:
Не жизнь —

сплошное невезенье
Увидел в дедовской избе.
Тихи,
добрьи,
не просят много,
Грибы боченками солят
Да колют вилами миногу
На свой,

ни с чем не схожий лад.

Я на Мезени,
На Мезени,
Где в бреднях бьются караси,
Где для того, чтоб выйти в сени,
Купи сначала керосин...
Но я сгущаю,
Я сгущаю,
Что по дороге наплели.
Я все отлично понимаю,
Какой ценой, моя родная,
На Кослан поезда пошли.
И нам уже сегодня видно,
Как рушится последний скит...
Мезень, похожая на сидня,
Еще повсюду прогремит,

СПЕШУ НА БЕРЕГ

И снова я вернулся к землякам
Не на какой-то месяц, а на годы.
Все так же плещется у ног река,
Бегут по ней всё так же пароходы.
Но не гудят у пристаней они,
Чтоб зря людей ночами не тревожить:
В минутный график дальний путь
уложен,
Как наши трудные, но радостные дни.
Но как же я руки не протянул
Ровеснику в замасленной одежде?
Простите, земляки, невежду,
Не посчитайте это за вину.
Я просто не узнал его,
Спешил
По трапу шаткому сбежать на берег...
Мне с вами жизнь единой мерой мерить,
Желаю счастья вам от всей души!
А пароходы все плывут, плывут,
И легкий ветерок колышет флаги.
Я рад, что с вами.
Рад, что вновь живу
По графику простого работяги,

ДАЛЕКО-ДАЛЕЧЕ

Песня

Далеко-далече от лесной опушки
Отозвался вечер голосом кукушки.

Сколько бы счастливых
Лет не насчитала,
Все казаться будет:
Мало,
Мало,
Мало!

Нелегка дорога, далека дорога
К нефтяным озерам, золотым отрогам.

Сколько бы кукушка
Нам не насчитала,
Все казаться будет:
Мало,
Мало,
Мало!

Пролетает лето, а за летом осень.
Проживем лет до ста, да еще попросим.

Сколько бы кукушка
Нам не насчитала,
Все казаться будет:
Мало,
Мало,
Мало!

УТРО НА МАЧЕ

Плачешь, гагара, плачешь...
А солнце встает из тумана.
Не шелохнется Мача —
Рано.
Не ходит еще пелядка
В укрытых кустарником водах.
Живется что ли не сладко?
Чуешь плохую погоду?
Не первую я встречаю
Зарю на речушке Маче,
А ты все так же, дурная,
Плачешь.
А разве нельзя иначе?
Все выше солнце,
Все выше...
И заиграла Мача —
Слышишь?
Качнул ветерок рябину.
Со свистом несутся утки.
Не хочешь в речную долину —
Плачь сиротой в закутке.

СТРАДА

Перфилу Бабикову

Над лугами,
Ночами
Клубятся туманы.
Наземь густые падают росы.
А тебя измучила старая рана.
Папироса за папирою...
Утром встаешь ты со всеми вместе.
Мечешь сено в зароды.
Мечешь с утра до позднего вечера:
Знаешь — быть непогоде.
О хвори своей и жене ни слова:
Об этом вслух говорить не положено.
Выдохся — делаешь вид, будто снова
Хочешь проверить, как сено уложено.
А погода, что редко бывает, в ударе.
Ведрие целых три недели.
Ночью не ты стонал в катагаре,
Спичками чиркал в постели?
Ноет рана,
Старая рана,
А сколько еще кошенины не сметано,
И наволоков не обработано.
Рана открылась,
Старая рана.
С чего бы?
Погода стоит какая —
Не шелохнутся ели.

Твое любимое повторяю:
«Перетрем, браток, перемелем»...
Звезды горят огоньками далекими.
Смотришь на них, словно видишь
впервые.

Клевером пахнет над наволоками,
Над луговой Россией.

ОТКРЫТИЕ

Не погаснуть в душе удивлению —
Сколь привольны наши места...
Взял, наверно, не то направление,
Продираясь, бреду по кустам.
Морось.
Желтые листья смородины.
И тропинка, как будто, не та.
Сколько ж верст осталось не пройдено?
Темнота.
А во рту ни росинки маковой,
И тоска берет за бока.
Заблудился?—
Бывает всякое.
Про ночлег подумай пока.
Ждать придется рассвета мглистого.
Не туда, наверно, зашел...
Утром в небе ни облачка —
Чистое.
Мать честная, как хорошо!
Только синь надо мной да коршуны,
Да трава по плечо вокруг.
А луга остались некошены.
Нам добраться до них недосуг.
И, забыв про кустарники колкие,
И про то, что давно не курил,
В воздух я разрядил одностволку,
Словно новую землю открыл.

У СТАРОГО ТРАКТА

Е. И. Позднякову

За деревней опять голубеют снега,
А у тракта, в сиянии лунного света,
Елка шепчется с кедром, мила и строга,
Как на выданьи, в беличью шубку одета.
Ей тепло. Не страшит ее лютый мороз.
Не тревожат ее ошелелые кони.
Старый тракт протянулся на тысячи верст,
Старый тракт сосняком и бурьяном зарос,
Не слыхать бубенцов полицейской погони.
Но останется в памяти односельчан,
Как шатаясь от голода в диких урманах,
Вы бежали из ссылки на зов Ильича,
Цинговали в дыму «самоедских» Балбанов.
Пролетит самолет,
Прогудят провода
И опять тишина...
Между прочим,
Говорят: здесь вот-вот загремят поезда...
Много разного старому тракту пророчат.
А пока здесь все те же снега и снега,
И в сиянии мягкого лунного света,
Елка шепчется с кедром, мила и строга,
Словно девушка, в беличью шубку одета.
Вы не вспомните, свой продолжая рассказ,
Кто для беглых всю ночь подорожники пек?
Мне старушка одна написала о вас...
«Может, он?» Я ответить на это не смог.

«От него я узнала про Ильича
И про «главную линию» большевиков...—

Голос юности вашей в письме прозвучал,
Коммунист Поздняков,
Комиссар Поздняков.

А не здесь ли прощались?

(Эх, была не была,

Я догадок своих не таю!)

Не ее ли любовь казака берегла
Под Царицыным в жарком бою?..

Сколько мне рассказала сегодня тайга,
Старый тракт, над которым гудели столбы...
Вы из ссылки не просто скрывались в бега,
Здесь — начало нелегкой Дороги Борьбы.

ВЫСЕЛОК

День плывет косяками льдин
За скрипучей дверью повети...
Мы с тобою один на один
Оказались на этой веретии.
Ты и радость моя и беда,
Староверское горе — наследство,
Ты меня и хлестал и бодал,
Ряцкал ложками по лбу в детстве.
Я покинул тебя.
Не ропщи!..
Ты и сам, наверно, заметил:
Льды не может река протащить,
Чтоб твою не размыть веретию,
Чтоб по бревнышку не раскидать
Старый дом без дверей и окон,
Пусть развалит его — не беда —
Гниль с того и другого бока.
А веретия, наша веретия...
Волочугу поставишь — и рад.
По кустам собираешь для нетели.
Иву скоблят ручонки ребят.
Всю-то зимушку скоблят и все же
Еле-еле дождешься травы.
У скотины лишь кости да кожа.
Только выпустишь —
пала...
Завыл!

Наказание, а не жизнь была
В дни, когда появился на свете я...
Поднялась изба,
поплыла,
Затопило нашу веретию.
Старый выселок, ты давно
Перебрался в деревни и села,
Где и свет, и сельпо, и кино,
Чуть не в каждой избе радиола.
Мы сегодня — один на один.
Я случайно сюда — порыбачить.
День плывет юсяками льдин...
Над веретией чибис плачет.

* * *

В Няшабоже ночи пахнут хвоей,
Лиственничной хвоей
До дурмана.
От беды нам не уйти с тобою
Так же, как от этого тумана.
Голубой туман окутал воду,
Лиши скрипят уключины над плёсом.
Чайки, словно чуют непогоду,—
Падают на галечник с откоса.
Мечутся встревоженные птицы,—
Значит, надвигается гроза.
Видел я росинку на ресницах,
Но тебе ни слова не сказал.
Не случайно говорят в народе,
Что любовь — начало всех начал —
Не одна по белу свету бродит,
Но об этом лучше помолчать.

ЗА МЕГОМ

За мегом,
За лесом дремучим
Лежало село...
Когда бы не горные кручи,
Его бы совсем замело.
Завалит по крыши снегами,
Живешь до весны, как в норе,
Лишь месяц заденет о камень,
Блеснет серебром на горе.
Леса да гнилые болота
Да мег,
заколдованний мег,
Где сгинул,
    уйдя на охоту,
Уже не один человек.
Вдоль речки — четыре десятка,
А прямо — всего две версты,
Но черт наступает на пятки,
Закружит тебя — и в кусты.
Плеснет синеватое пламя —
И серой запахнет в ночи.
Царапаешь землю руками,
«Спасите!» — кричишь.
Никто не расскажет, как было,
Не бросятся тут же искать...
Опять мое сердце сдавила
Чалдонских преданий тоска.

Мы мег проезжаем.
На кручах
Блестят рудников огоньки...
Для нас это просто излучина
Горной реки.

* * *

C. Раевскому

Ромашковых обочин белизна
И венчики задумчивых кипреев...
Я их встречал,
Но их совсем не знал,
И мял, как все, нисколько не жалея.
Одни дают проселкам красоту,
Другие обживают гаревища.
А мы себя кидаем в суету
И в этой суете
не то,
что надо,
ищем.

Рассветный час.
Холодная роса.
Пролетных птиц встревоженные звенья.
Проселки эти, пожни и леса —
Им открываю путь в свои
стихотворенья.

Я был чужим.
Я их совсем не знал.
Уже открыть, быть может, не успею,
Что мне поведала ромашек белизна
И венчики задумчивых кипреев.
И, вечерами заходя к тебе,
Теперь все чаще говорю про это...
Как много в нашей значили судьбе
Промозглые таежные рассветы.

НОЧНЫЕ ЗВОНКИ

Фриде

Нет ничего отрадней,
Чем заглянуть на почту,
Девушку полусонную
Насмерть перепугать.
— Дайте-ка мне Усть-Цильму.
Не раз и не два переспросит,
Пока не напишет на бланке
Заказ.
И полусонное: «Ждите!»
Сижу.
Считаю минуты.
И на исходе часа
Дают, наконец, тебя.
Я слышу знакомый голос.
Чуть слышно его в столице.
Но сердце снова подскажет
То, что не разберу.
— Товарищ! Выходит время,—
И тут же нас отключают,
И я в телефонную трубку:
— Ты слышишь меня? — кричу.—
Привет землякам,
Скажи им,
Что я не забыл в столице
Ни песен, слышны в которых
Отзвуки старины,
Ни споров о мирозданье,

Когда старовер бородатый
Лишь крякал и соглашался,
Что «темный он человек»,
Ни то, что в родном колхозе
Живется не так, как надо:
Еще подменяем часто
Резвым словцом дела...
Простите меня, родные,
Милые сердцу люди,
За то, что вас беспокою
В ночные часы.
Мне нет никакого дела
До времени,
До расстояний.
Подайте Усть-Цильму — и точка!
Я слышать хочу ее.
И, слыша знакомый голос
С неповторимым оканьем,
Я радуюсь сердцем, что скоро
Снова на север вернусь.

ТЕМ, КТО ЗНАЛ МЕНЯ

Были согласия и разногласия.
Кликали Васькой и звали Васей,
Кто-то любил величать Васильком,
Когда я ходил по земле босиком.
С годами я стал грубоватым,
Рассеянным,
Кому-то взбрело: подражаю Есенину.
Этим меня оскорбить хотели,
А я возгордился на деле.
Отныне все чаще — по имени-отчеству.
Зовите, пожалуйста, как вам хочется,
Хотя бы горшком (это до свечки!),
Только не ставьте в печку.
Отбросьте, пожалуйста, ваши сомнения,
Ваши раздумья,
Ваши сравнения.
Я верю в языческое,
Неповторимое,
Как в сказку, придуманную для любимой.
Васькой зовите,
Зовите Василием.
Дело, как знаете, вовсе не в имени,
Не в фамилии и не в отчестве...
Зовите, друзья, меня, как вам хочется.
Я с вами еще не знал перепутья,
В жизнь, как в тайгу, пробивал свой путик.

И если он людям чуть-чуть пригодится,
Значит, стоило мне среди вас появиться.
О чем-то думать,
О чем-то спорить,
Бродить по тайге, а бредить морем.
А те, кто сеял злые пророчества,
Привыкнут со временем к имени-отчеству.
Привыкнут и все же поймут едва ли,
Как мы свои путики пробивали,
Какие хлестали в пути метели,
С чего наши головы побелели.
До них это просто, друзья, не дойдет.
Злых языков не берите в расчет.
Верьте в языческое, неповторимое,
Как в сказки, придуманные для любимых.
Мы с вами всего лишь на полпути,
А жизнь прошагать — не ручей перейти.

Я НА ЖИЗНЬ НЕ В ОБИДЕ

1

Улетают лебеди на юг,
Чемодан укладываю я.
Едем вместе, мой давнишний друг,
Юность диковатая моя.
Золотых не обещаю гор.
Я нашел покуда только медь.
В сплаве с нею будет с этих пор
Серебром счастливый смех звенеть.
Сам срублю тебе сосновый дом
На пропахшем мятой берегу.
Согласись — и золото найдем!

2

Прошли вчера колхозные няпой*
К морской губе вдоль нашего села.
Следы полозьев, зелень сбитой хвои
Метель под утро снегом замела.
Ни встреч с тобою больше, ни
прощаний...
Я эту ночь запомню навсегда —
Огнем горит полярное сиянье
И с неба чья-то падает звезда.

---

* Няпой — олений обоз.

А, может быть, не падала — всходила?
Лишь на минуту скрылась за увал.
...Все эти годы ты меня любила,
А я не знал.

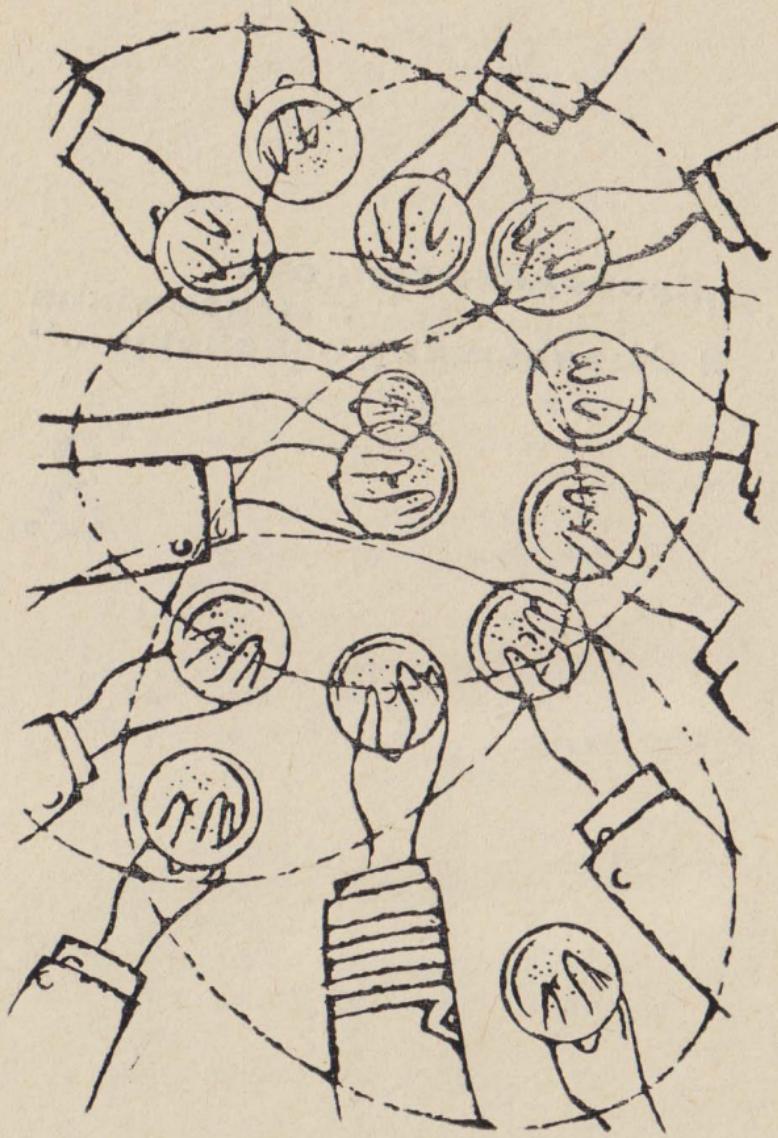
3

Я не на жизнь, на себя в обиде,
Что в юности многое не увидел.
Несговорчивый и горячий,
Жизнь построить не смог иначе.
Но если бы вздумалось жить
по-другому —

Стал бы сиднем запечным дома
И в простуженных километрах
Не услышал бы песни ветра.
А если бы я не любил другую,
К снегам и рекам ее ревнуя,
Я бы жизнь прожил без отдачи...
Нет, я не мог поступить иначе.
Нет, я зря на себя в обиде,
Что мало понял,
Что мало видел.
Я всё увижу,
Я всё узнаю,
Дорога лежит впереди большая.
Только бы ты не была в обиде
За то,
Чего в юности не увидел...

**„Приподнимешь очки
к переносице
И бывальшину заведешь...“**

3.

ЖЕНИМ МАТВЕЯ

Эй, баянист, а нельзя ли быстрее,
Так, чтоб от пляски затрясся весь дом?
Забыл, что сегодня мы женим Матвея,
А не с вечорки в деревню идем?
О свадьбе известно во всем районе.
Родни у Матвея — откуда взялось?
Ты, друг наш, давай поживее, Афоня!
Сегодня нельзя на авось.

Боишься, что в доме становится тесно,
Не слышно баяна совсем?
Как только умолкнут заздравные песни,
Мы снова поморщимся все,
Что горько, не катится, сахара мало...
Тогда отыхай, баянист.

У девушек щеки огнем запылали.
Я что-то не в меру речист.
Не что-то...
Уже голова закружилась.
Знать, в круг выходить наступила пора.
Браток, окажи нам великую милость:
Про новые сени сыграй.

Не мои, не твои,
не решетчатые,
Где девчат поцелуями потчевали,
Где спасались от мороза в стужу лютую
Не в пимы,
в полуботиночки обутые.

Эй, баянист, а нельзя ли живее?
Не можешь? Я что-то тебя не пойму.
Впрочем, ты так, как сейчас для Матвея,
Пожалуй, еще не играл никому.

Стучат каблуки.

Кто бочком,

Кто вприсядку,

Покуда никто под столом не уснул.

На помощь баяну приходит трехрядка...

Мы женим Матвея и славим весну.

Матюша, браток!..

Чтоб жилось без печали,

Пожалуй, я хлопну еще...

Ничего?

Мы вместе служили...

Нас вместе встречали,

А женят пока одного.

Но стоит начать — и пошла заваруха.

Сегодня мы пляшем на свадьбе твоей,

А в сторону нашу косятся старухи

И матери смотрят на дочерей.

Афоня, сыграй-ка деревне морскую,

Что вместе с Матвеем певали не раз,

О том, как матросы по дому тоскуют,

И снова давай перепляс.

Нас двое осталось.

Ты слышишь, Афоня?

Кто сватом к твоей востроглазой пойдет?

Матвей? Прогуляем сегодня Матвея,

А кто-то и нас в свой черед.

Нас двое, но мы в полосатых тельняшках.

Не много во всем районе таких.

Баян доотказа,

Душа нараспашку

И дробно отстукивают каблуки:

«Эх, яблочко,
Сбоку зелено,
Нам свадьбы играть
Нынче велено...»

УЛИЦА

В полночь тихую выйду на улицу,
Проброшу до утра опять...
«Что загадано нами — сбудется!»—
Я люблю теперь повторять.
Раньше всех просыпаются дворники,
Мётлы их по асфальту шуршат,
Снова вижу себя беспризорником,
Про себя повторяю: «Ша!..»
...На углу постовой, зевая,
Протирает рукой глаза,
А дорожка моя кривая —
Мне опять бежать на базар,
Где с утра затолпятся люди...
Я не нужен здесь никому.
Значит, снова в карманах удить,
А потом угодить в тюрьму?
Мне бы к бабушке только добраться,
Но застрял на развилке дорог.
Ни копейки... Одна облигация,
Да когда-то ей выйдет срок...
В детстве мне перепало немало,
Начинал не с того конца,
А она ничего не знала,
Далеко была от юнца.
Но на счастье мое —

эти дворники,

Постовые —

добрьи душой.

Помогли тогда беспризорнику,
А теперь я и сам большой.
Я люблю побродить по столице,
Честь по чести прописан тут.
До весны еще проучиться,
А потом — прощай, институт!
Рыба ищет поглубже место,
Птица съзмала рвется в полет...
Он пока еще малоизвестен,
Неприкаянный твой стихоплет.
Не гонясь за широкой оглаской
И людей ценя за дела,
Я хочу, чтоб в стихах закваска,
Как у бражки твоей, была.
Слышишь, бабушка? Ты писала:
«Обещал заглянуть,
Погостить,
Я с весны тебя поджидала».
Закрутился, родная, прости.
Но загадана встреча скорая
В деревушке далекой твоей,
Слишком редко езжу в которую,
Что становится все родней.
Приподнимешь очки к переносице
И бывальшину заведешь:
Корабель в сине-море уносится.
Капитан на меня похож.
Паруса на ветру полощутся,
Белый вал подгоняет корму...
А на взморье, в березовой рощице
Смотрит девушка вслед кому?
Поворчишь, как старухам положено,

Что опять засиделись...
— Спать!..
Вся Москва по ночам исхожена,
Но на улицу тянет опять.
Солнце вышло.
Пахнуло свежестью.
Я отныне счастлив вдвойне:
Переполнено сердце нежностью,
Возвратилась она ко мне.
Да бывал ли я беспризорником?
Может, просто читал про войну?
...Угощу «Беломором» дворника,
Постовому опять козырну.
Удивляются они, заморгают:
«Ты бы лучше домой поспешил!»
...Люди часто сами не знают,
До чего ж они хороши!
Люди добрые, вам обязан,
Что сумел человеком стать.
Только жаль, что уже ни разу
Писем бабушкиных не читать.
Не напишет она, не расскажет,
Сквозь очки не посмотрит вслед
И перчатки уже не свяжет,
Что носились по много лет.
Нет ее, ну, а я все слышу,
До утра порой напролет:
«Что же ты ничего не пишешь,
Неприкаянный мой стихоплет».
И тогда, обо всем забывая,
Я на кухне за столик сажусь:
«И прости за молчанье, родная,
И порадуйся, что тружусь».
Будут письма, а может, поэмы,

Впереди еще столько лет.
А пока заедает проблема:
«Для чего появился на свет?
В чем же самое главное дело,
Без которого в жизни нельзя?»
Ну, а если окинуть в целом,
То «в рубашке» родился я.

МАРИЯ

Рассказ шофера

Не молода уже, но не стара:
За бабье лето чуть перевалило
Хозяйке постоялого двора
У переката Золотая Жила.
Чуть свет, бывало, выйдешь из села,
Чтобы попасть в глубинку поскорее,
А в час, когда опять сгустится мгла,
Свернешь с дороги — и раскроешь
двери.
— Мария, свет, не узнаешь меня?
— Как не узнать! — и тут же
к самовару.
Продрогшая в дороге шоферня
Окутана густым морозным паром.
— Подай-ка мне горячего чайку!
Метель до сердцевины простужила.
Но лучше бы не делать перекур
У переката Золотая Жила.
Всегда со мной,
В любой дороге тот,
Кто в сорок первом,
В половине лета
Со мною вместе уходил на фронт.
— Вернусь с победой! — обещал
при этом.
Ждала его, как верная жена,
Ждала семь лет,

Ждала еще семь лет.
Всех женихов заставила она
Забыть о ней, всем отвечая «нет!»
Чего таить, все это позади,
Нам потихоньку стариться отныне.
Я, грешным делом, тоже подходил
И сватов подсыпал к Марии.

Была весна,
Потом еще весна.
Мы о войне с годами забывали.
Но есть у жизни
Свой особый счет.
Не говори: она свое возьмет —
И вот уже злословить бабы стали.
Они и встретились-то раз-другой.
Для пересудов надобно немногого.
— Уймись, Мария! Дети... Ради бога!
— А что? Не все же бедовать одной!
Умей держать — а бог простит меня.
Он сам, слыхала, хаживал по вдовам.
Да, дыма не бывает без огня,
А он исчез и появился снова:
— Земля, кума, не терпит пустоты.
А пахаря-то нет —
Беру взаймы.
Ну что тебе? Не обеднеешь ты.
Одной-то холодно среди зимы...
— Сегодня тоже пробовал один —
Забуксовал...
— Но ты послушай лучше...
— Добром тебе сказала: «Уходи!
Ты понял? Уходи!
Не то получишь!»
Надолго ли?

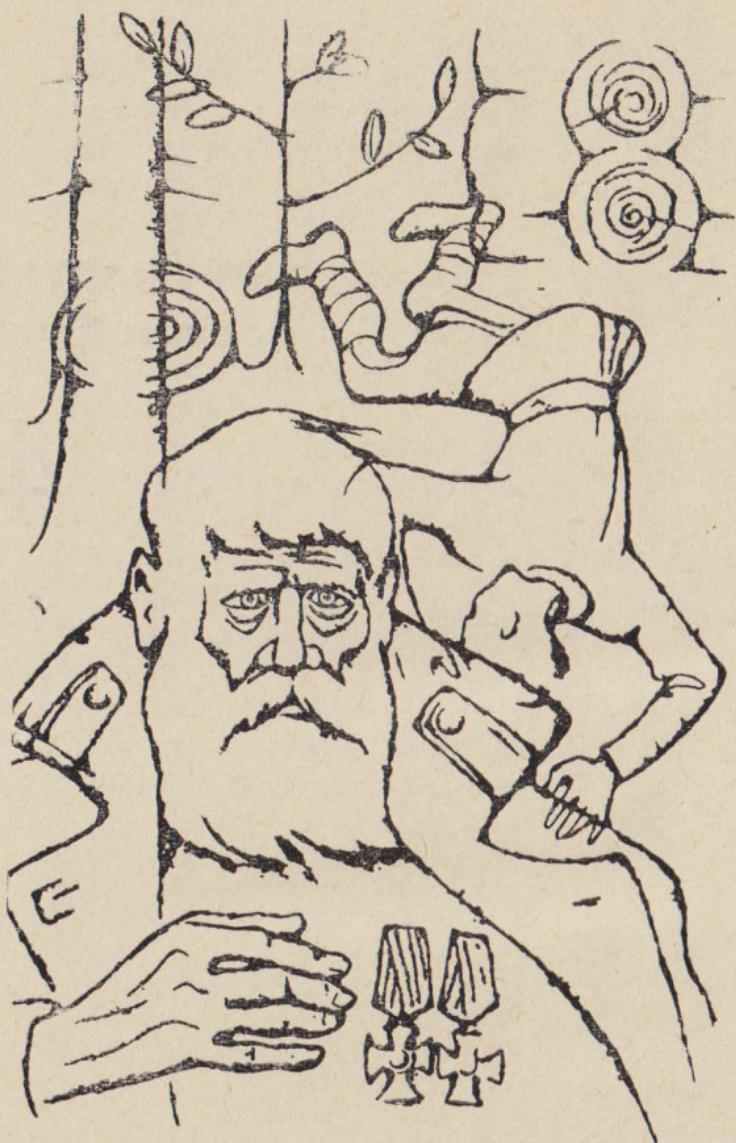
Всему своя пора.
Забыть бы людям то, что с нею было —
С хозяйкой постоянного двора
У переката Золотая Жила.
Простить бы зло...
Тому виной война.

Он хлопнул дверцей.
— Тронем что ли, друг?
И газанул.
И затряслась кабина.
А женщина смотрела из-под рук
Куда-то вдаль,
Совсем не на машины.
Что видела она?
Чего ждала?
Не знаю я:
Ее не стало вскоре...
Тайга опять вовсю белым-бела,
Но никого не видно на угоре.

ВАНЯ СЧАСТЬЕ
Лесная быль

4.

ВАНЯ СЧАСТЬЕ

Он проболел все лето.

Ныли кости.

Ломило поясницу у него.

Внук к осени к нему приехал в гости.

— Ну, как твой дедко?

— Вроде, ничего?

— Та-а-к!

Отслужился — и домой, Иванко?

А я уже, как видишь, не у дел.

Но вечером под чарку и тальянку

Старик повеселел, помолодел.

«Ты такой мужик камаринский, сякой»,

Он наигрывал вовсю одной рукой.

— А ну, Иванко, если баско спляшешь,

То, значит, в женихи годишься ты.

Сосватаю.

Живет в колхозе нашем...

Есть тут одна —

Лебяжьей красоты.

Под стать тебе.

Ты костью, вижу, в дедов.

В плечах широк и вывеской ништо,

Чего откладывать?!

И я с тобой поеду.

Двенадцать верст каких-нибудь, не сто.

Ненадобно?
На нет и спроса нет.
Еще подлить?
Что? Неплохая смазка?
На буровом устроишься участке?
А может, лесовать — на дедов след?

Уехал внук.
Старик затосковал.
Все с лайкой говорил:
— Старею, Зорька.
Мне семьдесят четвертый миновал.
Попробуй выходить по лесу столько.
Ивашку ждал. А он, сама пойми,
Танкистом был.
Машину дай ему.
И жить привык он в обществе,
С людьми.
Знать, лесовать придется одному.
Он снова стал бессонницей страдать.
И начал хвоей протирать капканы.
— Мне дома что-то скучновато, мать.
Хотел на печку я, но вижу: рано.

Лайка чунку по снегу тащит,
На подъеме замрет, скуля,
Под зеленою еловой чащей
Лишь ледком прикрыта земля.
Отдохни, старина, немного.
Зорька, где ты?
Но Зорьки нет.

У нее порезвее ноги,
Лямку сбросила,
В чей-то след
Ткнулась мордой —

и в лес без лая...

Скрылась в чаще.

Ищи ее.

«Проучить бы тебя, шальная!» —
И снимаешь с плеча ружье.

Глухаря облает и зверя
Остановит она на бегу.

Только чунку ей зря доверил.
Слышишь? Лай загремел в логу.

Лает Зорька.

Все ближе,

Ближе.

С темной чащи не сводишь глаз.
Снег еще неглубокий.

Лыжи

Не нужны еще в этот раз.

Чунка плавно скользит по снегу.

В чаще слышится звонкий лай...

В прошлом ты не ходил, а бегал,
Только голос собака дай.

Из германского прибыл плены,
Жил еще не в своей избе,
И Елена, твоя Елена,
Только снилась порой тебе.
— Эх, Елена, — твердили деды, —
Для кого себя бережешь?
Каждый парень чего бы не дал!..
Ни один для тебя не хорош.

На Ивана лишь посмотрела:
Два Георгия на груди...
— Скоро к вам загляну по делу...
В краску бросило: — ? — оди!..
Но ни с делом, ни п... в гости
Не посмел к ней зайти солдат:
Даже родичи на погосте
Неизвестно каком лежат.
У Елены не дом — палаты,
Там не любят безродных гостей.
Ни друзья не помогут, ни сваты...
— Тоже, в мягкую метишь постель?
Инородец.
С какой-то Мезени.
Вся родня твоя — батраки.
О твоем роковом невезеньи
Кулики скорбят у реки.
А на людях все чаще и чаще
Ваней Счастьем тебя зовут.
При тебе и в глухое ненастье
Сети, полные рыбы, берут.
При тебе и медведь из берлоги
Лап не вскинет на грудь ловца.
— Четверть пая ему?
— А не много?
Поднеси для начала винца.
Два Георгия да шинелька.
Ни кола у тебя, ни двора.
«Не пора ли идти за белкой?» —
И ответил себе: «Пора!»
За наживой пора,
За наживой,
Но пустым не пойдешь в тайгу.
Поклонился соседу служивый —

Оказался по горло в долгу.
Что долги, если сердце радо:
Сам хозяином стал теперь,
Шел былько погуще зверь,
Да дерзай бы птица в радах *.

Здесь, где дружно гудят моторы,
Слышен звон электрических пил,
С верной лайкой в осеннюю пору
Только ты по рассохам бродил.
Да олени зимой проходили,
Заезжали к тебе пастухи,
Привозили чиров для ухи
И настой из брусничника пили.
А однажды — такую услугу
Не забудешь до смерти своей...
Бескорыстным и преданным другом
Оказался пастух Алексей.
...На отца не поднимет Елена
Виновато опущенных глаз:
Целовалась Елена на сене
С одноруким не раз.
Хмур хозяин.
Болтают разное,
А поди разберись в таком.
«Свадьбу дочери я отпраздную,
Но не с этим же, не с батраком.
Голь всегда на чужое зарится...
Знает, клеть моя не пуста.
Женишок!..

* Низменные, болотистые места, чахлое редколесье.

И худящей малицы
Не имеет.
Гм!.. Два креста.
Ну, а проку с него, однорукого?
Как с козла молока.
А Елена — девка неглупая.
Брешут все.
Помолчу пока.
Ну, а втюрилась если проклятая,
Вразумить недолго ее.
Жаль, что с осени не просватали,
Не пришлось бы учить ремнем».

Поздновато учить —
за болота
Нарты мчатся, быстры и легки,
А олени буреют от пота,
Набок свесили языки.
Спит хозяин дворца двухэтажного,
По-медвежьи хранит богатей.
Сняться сваты не здешние, важные,
Но куда их уносит чертей?
«Дочь не гожа?
Из Вологды ездили,
Да и то не отдал, дураки».

К утру небо немногого прозвездило.
— Оставаться вам тут не с руки.
Сколько белок отдал за невесту?
Сколько шкур из тайги приволок?
Отказали.
Жених не по чести?
И невесту под крепкий замок.
Мы замки не такие порушим.

Скоро грянут веселые дни.
Ты товарищ бы послушал.
Да не бойся, Иван, гони.
Шесть олешков уже немало,
Самоедский чум недалек...
У Алешки своих не бывало.
Ты не знаешь, что Лешка — волк?
Вне закона.
Давно отпетый.
Чем-то ненец,

а чем-то роч...*

Пусть тебя не пугает это.
Он сумеет тебе помочь.
Что не сделаешь в жизни для друга.
Рад, что выручил из беды...
Всю неделю февральская выюга
Заметала ваши следы.

Годы!
Годы!
И вы пролетели,
Как оленя упряжка в ночи.
Быть, наверное, к утру метели.
Тяжело.
Хоть на помощь кричи.
Сел.
Скрестил на коленях руки.
И на время забыл о своем.
Бесспокоится сердце о внуке:
«Как, солдат, на участке живем?
Работенка у вас потруднее,
Чем палить из централки в лесу.

---

* Русский.

Каждый делает то, что умеет.
Вот, гостинец ужо принесу.
Говорят, заглянуть сумели
Не в сосняк, а в земную глубь.
Сколько там «прошли» за неделю?
А, наверно, влетает в рубль?
Посмотреть бы на ваше дело.
Может, мне работенку найдешь?
Сердце что-то опять заскрипело.
В сторожа!..

На другое не гож.
Только краля твоя не по нраву.
Полюбилась — добро, но гляди:
Надо видеть, что ждет впереди,
Если жить, то ни влево, ни вправо...
Хм!.. Нашел, говорят, городскую.
Ходит в брюках.
Не носит кос.
Я смотреть бы не стал на такую.
Что за баба без длинных волос?
У моей были косы так косы,
Как держала их голова?
Ранним утром в часы покоса
Отражалась в глазах не трава,
А верхушки черемух да небо.
Ум твой дедко терял тогда.
Где я после, Иванко, не был,
Лучше бабки твоей не видал.
Мало нынче красавиц,
Мало.
В районе всего одна.
Слышал я, как споны вязала,
Слышал я, как поет она.
Пара вас,

Красоты лебяжьей...
Я б на свадьбе еще гульнул.
Что б тебе старика уважить,
Нет, по-своему в жизнъ свернул...
У Ванюшки другая дорога.
Не по-вашему парень рос.
Не суди о нем слишком строго.
Вспомни лучше, как шел в колхоз.

Как случилось,
Что в дикой злобе,
Потеряв себя самого,
Друга лучшего ты угробил,
Топором зарубил его?
Как?

Выходит Иван на путик,
По нему идет не спеша.
Не метель среди сосен крутит,
А прощения ищет душа.

Начиналось на «Стелла Поларе»*,
Где с Еленой укрылись тогда.
Худошавый,
смышленый парень,
Что покинул олены стада,
Вместе с ними махнул в рабочие,
Где-то стал пропадать до зари
И все чаще в метельные ночи
Непотребное говорить.

---

* Лесозавод в низовьях Печоры.

А Ивану и тут не по нраву:
За получкой приходишь — штраф.
Повернись налево, направо —
Ты всегда и во всем не прав.
Как с оленя сдирают шкуру.
И молчи, а не то: «Пошел!»
У хозяина губа не дура —
Брать беспаспортных хорошо.

Соглашался Иван.
Не перечил:
В их семье подрастал сынок,
И в кармане отец под вечер
Что-нибудь для него волок.
А дружок записался в смутьяны,
Так и ходит урядник за ним.

Два Георгия у Ивана —
За царя давались они.
Да за матушку Русь,
Да за веру...
Двух Георгиев кавалер.
— Мог бы стать боевым офицером —
Генерал приводил в пример.
Мог бы стать, да шрапнель свалила
И оставила без руки,
На роду написано было —
Не мундир носить — пиджаки.

А Алешка ни в черта, ни в бога,
Ни в царя,
ни в святую Русь...
Знай, сбивает всех понемногу
В большевистскую путь-дорогу,

Говорит: «За тебя возьмусь!»
«Ленин!», «Ленин!» — твердят повсюду
И опять зашумел завод,
А Иван головой качнет:
«Ленин што ли кормить вас будет?»
Бастовать неохота Ивану —
В каталажке дави клопов...
Отвернулся он от смутьяна.
— Не гневись, но бывай здоров...
Я с политиками не дружен.
Для чего они мне, дружок?
Мне серебряный, Лешка, нужен,
Чтоб вернуться на свой бережок.

Эх, Иван,
Половодье близко.
Все затопит,
Ищи-свищи
Беспроглядно нищую Виску
И дремотные наши Хвоши.
В сколыхнется твое Полушкино.
Запоет Хабариха «Вставай!...»
К старой жизни тебе отдушину
Не найти в этом мире.
Знай,
Что над миром уже развеивается
Цвета крови рабочей флаг.
И в кожанке заместо малицы
Разъезжает по тундре батрак.
Тесть смирился.
Простил окаянных.
И хоромами дочь одарил.
И стоять за прилавком Ивану
С этих пор от зари до зари.

Разбавлять горячую воду
Ледяной родниковой водой,
Принятым называться в народе
И за тестя стоять горой.

Раз случилось...
Пришли из комбода.
В новом доме ты жил тогда.

— Как старик накопил — не ведаю,
А досталось мне,
Не отдам.
Может, даром я жил в лесу,
Словно нехристъ, в курной избенке?
То в Совет таскают,
То в суд.
Дом-то взял не чужой, а жонкин.
Тестя хлопнули?
Стоил того.
Сам бы к стенке его приставил.
Как хотите, а моего
И коснуться пальцем не вправе.
Может, даром в окопах мерз,
Вшей кормил,
Наживал простуду?
А теперь хотите в обоз?
На Советы робить?
Не худо...
И Алешка...
Еще свояк!..
Только вышел в начальство и сразу
За друзей...
Вот спущу собак —
Разорвут на куски, зараза!

Самоед комиссаром стал...
Я-то думал — из нашего брата.
А на фронте кровь проливал?
На калеку жмешь?
На солдата?
И упал комиссар у порога
Охрой крашеного крыльца.
А убийца хлестнул гнедого —
Не возьмешь в тайге беглеца.

Эх, Иван,
Не туда свернул.
Эх, еловая голова.
В сколыхнули они всю страну
За тебя, за твои права,
Но за дом уцепился ты,
За кусок земли дармовой.
Человека убил — и в кусты.
Стал отныне совсем чужой.
Может, в белые?
Может, в зеленые?
Как ни думай — везде капут.
А по нашему,
По Студеному
Интервенты уже идут...
Лишним стал на родной земле
Двух Георгиев кавалер.

Ты и сейчас ушел в тайгу один,
А к ночи быть, наверняка, метели.
Ремень ружья поправив на груди,
Закрыв глаза, ты привалился к ели.

Быть может, снова вспомнились
сейчас
Те двадцать лет, что ты в бегах
проводил,
Скрывался где-то,
Прятался от нас,
Покуда сорок первый не пришел.

И как не вспомнишь возвращенья час,
Повинного решающего шага...

— Сынок под старость не пригреет
нас,—
Над похоронной плачет мать бумагой.
— Не убивайся, мать,
Ты не одна.
Внуценок есть.
Души не береди.
Кому-то надо...
Страшная война.
У немца пол-Европы позади.
Прут нехристи на нас в который раз,
Но грянет, старая, возмездья час.
Грей самовар,
А я пойду в колхоз,
Чтоб записали в Главный фонд меня.
Пушину я из Тайболы принес,—
Шагнул к порогу, плечи приподняв,—
Да от тебя еще мои Кресты —
Из белого,
Из царского...
Чисты!..

Жизнь возвращала полные права.
Где плата кровью —
не нужны слова.
Ты председателю на стол —
кресты,
А он отставил в сторону костыль,
Сказав тебе:
— Вы не одни...
Держись!..—
И руку протянул...
Вновь начиналась жизнь!

Зорька,
Зорька,
Вернетесь когда?
Все кругом заметает, выюжит.
И бывает же так иногда:
Твой хозяин мне очень нужен.
В этот самый метельный час
На участке фонтан ударил.
Побывал бы старик у нас
И сказал бы:
— С удачей, паря!
Внуку первому б руку подал,
Сивый ус покрутил бы с усмешкой.
— А случайно, бьет не вода?
Может, вовсе не скважина —
вешка?
— Что ты, дедушка. Как же так?
Все рассчитано нами заранее.
— Я по лесу ходить мастак,
Но не раз застревал в тумане.
А попробуй найди поди
Нефтяные ваши озера.

Нелегко старику угодить,
Из тайги он вернется скоро?
Зорька,
Зорька,
Случилась беда,
Твой хозяин в пути занедужил.
И случится же так иногда —
Нету рядом того, кто нужен.
Мы могли бы ему помочь,
Но о том ничего не знаем.
И тебе проскулить всю ночь,
Вместе с ним в снегу замерзая.
А потом заметут снега
Неглубокую вашу лунку,
И случайно чья-то нога
Встанет лыжей на полоз чунки,
Опрокинутой набок сейчас —
И родня зарыдает горько.
Не судите за это нас,
Мы об этом не знали, Зорька.
Мы не мстительны вовсе,
Нет.
Он вину искупал годами.
К этой скважине первый след
Он прокладывал вместе с нами.
И от нас не скрывал Иван,
Как ему изменило «счастье»,
Как хранил беглеца урман
От загадочной новой власти.
Не скрывал и всегда жалел,
Что рука поднялась на друга,
Что понять его не сумел...

След его заметает выюга.

Говорят, что годы летят,
Но в ответ при любой погоде
Я отвечу: мера не та —
Это мы по земле проходим.

Он проболел все лето.
Ныли кости.
Ломило поясницу у него.
Жалел, что скоро будет на погосте
Земля покрыта снегом, не травой.
А после начал протирать капканы,
Глядеть в окно,
Пристреливать ружье...
— Хотел на печку я, но вижу — рано.
Недобитым останется зверье.

И в лес собрался.

— Хватит!
Не перечить! — сказал жене,—
Ты не учи меня...

К его избушке в тихий лунный вечер
Приткнулась наша узкая лыжня.

Он не был тут. И не вернулся к дому.
Не пригласишь на свадьбу старика...

Знать, он не мог проститься
по-другому,
Нося в душе дремучие
века.

СОДЕРЖАНИЕ

1.

«Седые волны, седые чайки»	7
Утро	8
Путина	9
«Как песцы, к воде поближе»	10
Песни	11
Синькин Нос	13
Строганина	15
Голубаны	16
Никитцы	18
Новосел	19
Поветерь	21
Вечорка	22
Если ты родился в катагаре	24
Чудо-блюдо	26
«От любви и ревности свободен»	27
«Лунный вечер»	28
Привет в тундру	30
«В раковине, выброшенной морем»	32
Наплестки	33

2.

«С чего бы это сердце ноет?»	37
«В стороне озер лебединых»	38
Просека	39
«Между сосен прогалины пегие»	40

«Перед рассветом в ельнике горбатом»	41
«Растеряла лепестки ромашка»	42
«Не чудно это было, а чудно»	43
«Вернулся к столу с порога»	44
Ненастье	45
Тобыш	47
«Говорили: «Перестань чудачить!»	48
Старина	49
Улыбка	51
«Как зимний лес, палата»	53
Письма с Мезени	55
Спешу на берег	59
Далеко-далече	60
Утро на Маче	61
Страда	62
Открытие	64
У старого тракта	65
Выселок	67
«В Няшабоже ночи пахнут хвойей»	69
«За мегом, за лесом дремучим»	70
«Ромашковых обочин белизна»	72
Ночные звонки	73
Тем, кто знал меня	75
Я на жизнь не в обиде	77

3.

Женим Матвея	81
Улица	84
Мария	88

4.

Ваня Счастье. Лесная быль	93
---------------------------	----

3407

Василий Степанович Журавлев-Печорский
ВЗВОДЕНЬ

Стихотворения
Поэмы

Художник А. В. Мошев

*

Редактор *A. И. Смирнов*
Ответственный за выпуск *B. А. Попов*
Худож. редактор *M. П. Безносов*
Техн. редактор *A. Н. Вишнева*
Корректор *H. А. Адамова*

*

Сдано в набор 30|IX-1968 г. Подписано в печать 26|XII-1968 г.
Формат 70×90¹/₃₂. 3,5 печ. л., 4,09 бум. л. (Уч.-изд. л. 3,34).
Заказ № 5233. Ц02613. Тираж 3000. Бумага № 2. Цена 39 коп.

*

Коми книжное издательство. Сыктывкар, Дом печати.

*

г. Сыктывкар, Республикаанская типография Управления
по печати при Совете Министров Коми АССР.

K 14

39 коп.

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1969